

ЛЮДМИЛА ГОЛУБЕВА

ШУКШИН — ЕСЕНИН В ПРОЗЕ

Есенинские традиции в творчестве В. М. Шукшина

...Есенин — поэт мировой трагедии, экзистенциально-глубочайший, с чистой душой. Когда ничего нет у человека — одна душа осталась и все тело — душа, сплошная ранимость. Как вот и Шукшин потом таков: вздрагивающий каждой артерией и нервом пёс.

Г. Гачев. Встреча с Есениным
в Солотче

Не так уж много в русской литературе писательских имен, разительно совпадающих по нравственным, художественно-эстетическим воззрениям, а также по тематике в своём творчестве, как В. М. Шукшин и С. А. Есенин.

Есенин для Шукшина всегда был “знаковой” фигурой в духовной жизни России. Об этом свидетельствуют его многочисленные высказывания в публицистических статьях, это нашло яркое выражение в его художественном творчестве.

Сам Шукшин так выразил свое отношение к Есенину: “Любимый мною Сергей Есенин — он тоже из крестьян, тоже от “сохи”, но он — поэт далеко не крестьянский, а общенародный, потому что он, играя на своей берёзовой мужицкой лире, сумел затронуть её звуками душу каждого — от самого простого мужика до суперинтеллекта. А удалось ему добиться этого тем, что лира его издавала звук вечной общечеловеческой правды”.

И Шукшин желал “каждому литератору иметь на земле своё Константиново”.

Для Шукшина его “малая родина”, его “Константиново” — это родное село Сростки, которое щедро питало его творчество и темами, и образами, и горькими раздумьями.

Поэзия Есенина, его образ сопутствовали Шукшину всю его жизнь. Знавший Шукшина Лев Колодный вспоминает такую любопытную деталь. Когда Шукшин впервые получил московскую квартиру в Свиблово, он первым делом в своём совершенно пустом жилище “швейной иглой к стене” приколол “портрет Сергея Есенина с курительной трубкой во рту”.

Крестьянский сын Есенин называл себя “последним поэтом деревни” и всю свою короткую жизнь воспевал свою “краткую родину”:

*Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.*

Шукшин, как и Есенин “гражданин села”, “сельский житель”. “Я родом из деревни, крестьянин потомственный, традиционный”, – говорит он о себе. Его, как и Есенина, многие критики называли “поэтом деревни”.

В русском крестьянстве, по мнению Шукшина, во многих чертах воплотилась “та большая совестливость нашего народа, его неподдельное чувство прекрасного, которые не позволили забыть древнюю простую красоту храма, душевную песню, икону, Есенина, милого Ваньку-дурачка из сказки”. И как тут не вспомнить Есенина, который любил “Слушать бабушкины сказки / Про Ивана-дурака”.

Шукшин выводит целую галерею “сельских жителей”: “Ванек-дурачков”, “чудиков” – доверчивых, простодушных, незащищенных. Таков “чудик” Василий Егорыч Князев из рассказа “Чудик”. (Кстати, один из эпизодов этого рассказа – история с потерянной пятидесятирублёвкой – носит биографический характер.) Это и Бронька Пупков из рассказа “Миль пардон, мадам”, сложивший невероятную историю о его якобы неудавшемся покушении на Гитлера, и Мона Квасов, “изобретший” вечный двигатель (“Упорный”), и маляр-шабашник Малафейкин (“Генерал Малафейкин”), выдумавший для себя генеральскую биографию с почестями, орденами, персоналками. Или Ванька Тепляшин, затеявший несуразный скандал в больнице (“Ванька Тепляшин”). Вначале этот рассказ назывался “Ванька-дурак”. И Стёпка из рассказа “Стёпка”, затосковавший о родной деревне и сбежавший из тюрьмы до срока, хотя его срок уже практически заканчивался. О нём Шукшин пишет: “Я такого дурака люблю. Могуч и властен зов родины, откликнулась русская душа на этот зов – и он пошёл”.

Но этим “чудикам” присуще и чувство прекрасного. Многим героям Шукшина знакома и близка поэзия Есенина. И они то цитируют есенинские строки, то распевают песни на слова Есенина. Так, в рассказе “Верую” деревенский поп поёт о “клёне заледенелом”, бежавший из тюрьмы Стёпка с чувством “декламирует” “Ты меня не любишь, не жалеешь”. Есенинские стихи неоднократно звучат в устах героя киноповести “Калина красная” Егора Прокудина.

Но не все персонажи в рассказах Шукшина безобидные “чудики”. Они могут быть и там, где, говоря есенинскими словами, “пьют, дерутся и плачут”. Это уголовник Стёпка, деревенский вор Лёся, Егор Прокудин из повести и фильма “Калина красная” и др.

Шукшин сострадает своим “заплутавшим” героям, оторвавшимся от своей родной почвы, сожалеет об их исковерканной судьбе. Ему, как и Есенину, жалко “тех дурашливых, юных, / Что сгубили свою жизнь сгоряча”.

Но любя и сострадая своим героям – “сельским жителям”, Шукшин не идеализирует их, а стремится воссоздать их предельно правдивый образ. “Корявыми немытыми речами они свою обсуживают “жись”. Они одновременно добрые и злые, щедрые и жадные, мудрые и глупые.

Шукшин с горечью наблюдает, как некоторые выходцы из деревни воспринимают только внешние приметы городской культуры: модную одежду, причёску, современные западные танцы. Но в то же время ему больно, когда горожане высмеивают его земляков за неусвоение городского манера, за неуклюжее поведение. И здесь мы вновь улавливаем переключку с Есениным:

*Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.*

Но было бы несправедливо считать, что Шукшин непримиримо отрицает город, городскую культуру. Нет, для него: “Город – это и тихий домик Циолковского, где Труд не искал славы. Город – это где огромные дома, и в домах книги, и там торжественно тихо. Город – это заводы, и там своя странная чарующая прелесть машин”.

И Есенин при всей его привязанности к деревне признается, что и город близок ему. Вспомним его строки, посвящённые Москве:

*Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.*

Шукшин болезненно переживал состояние некоторой своей “двойственности”. Уехав из деревни и став городским жителем, признавался, что он “...ни городской до конца, ни деревенский уже”. И своё состояние он объяснял так: “...одна нога на берегу, другая в лодке”. Эти слова соотносятся с есенинским признанием: “Стремясь догнать стальную рать, / Скольжу и падаю другою”.

Это состояние человека, оторвавшегося от родной почвы, Шукшин отразил в рассказе “Вечно недовольный Яковлев”. Бывший сельский житель Борис Яковлев, пожив в городе, “преобразился” и теперь считает, что имеет право высказывать своё презрение к “деревенскому быдлу”.

Образ родины – один из самых заветных для Шукшина и Есенина. Так Шукшин находит самые проникновенные слова, говоря о своём чувстве родины: “...Всю жизнь мою несу родину в душе, люблю её, жив ею, она придает мне силы, когда случается трудно и горько...”. И далее: “Родина... она и живет постоянно в сердце, и образ её светлый погаснет со мной вместе...”.

Родина и деревня сплавлены воедино и у шукшинских героев. Об этом его рассказы “Два письма”, “И разыгрались же кони в поле”, “Ваня, ты как здесь?!” и многие другие.

В этом Шукшин близок Есенину, у которого образ деревни неизменно сливается с понятием родины. Стоит ли перечислять стихи и поэмы Есенина о родине, ставшие уже хрестоматийными: “О, Родина!”, “Край любимый! Сердцу снятся...”, “Гой ты, Русь, моя родная...”, “Русь советская”, “Русь бесприютная”, “Русь уходящая” и др.

*Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
Громкой песней весной на лугу.*

Описание природы у Шукшина порой воссоздано в чисто есенинской стилистике. Вот красноречивый фрагмент из эпиграфа к рассказу “И разыгрались же кони в поле”:

*Тихо в поле.
Устали кони...
Тихо в поле —
Зови не зови.
В сонном озере, как в иконе, —
Красный оклад зари.*

У Шукшина, как и у Есенина, природа очеловечена, он широко пользуется приемом антропоморфизма. Наглядный пример – описание ледохода: “Лед прошел по реке. Но ещё отдельные льдины, блестя на солнце, скребут скользкими животами каменистую дресву; а на изгибах речных льдины вылезают синими мордами на берег, разгребают гальку, разворачиваются и плывут дальше – умирать”. У Есенина примеров одушевления природы множество: “Отелившееся небо / Лижет красного телка”.

Герои Шукшина органически слиты с природой. Герой рассказа “Воскресная тоска” так передаёт это ощущение: “Я знаю, как бывает в степи ранним летним утром: зеленый тихий рассвет. В низинах легкий, как дыхание, туман. Тихо. Можно лечь лицом в пахучую влажную траву, обнять землю и слушать, как в её груди глубоко шевелится огромное сердце”.

Образ русской берёзки, так проникновенно воспетой Есениным, близок и Шукшину. В “Калине красной” Егор Прокудин в тяжёлый час ищет утешения, обнимая в слезах белоствольную березу, как живое существо, способное сопереживать.

Примечательно, что для Шукшина, как и для Есенина, характерна поэтизация крестьянского труда. Всё, что связано с природой, – прекрасно,

в частности, такое исконно крестьянское занятие, как покос. В рассказе “Земляки” читаем: “Нет милее работы-косьбы... Сочно посвистывая, сечёт коса; вздрагивает, никнет трава...”

В статье “Вот моя деревня...” Шукшин передает своё личное восприятие: “Покос. Самая прекрасная, самая трудная, самая певучая пора”. И сразу в памяти – Есенин:

*К чёрту я снимаю свой костюм английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский, я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?*

*Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь и баран.*

Разительно совпадает мироощущение Шукшина и Есенина, в том числе такая его составляющая, как любовь и сострадание к “братьям нашим меньшим”. Для Есенина все живые твари объединены понятием “родина”:

*О родина, счастливый
И неисходный час,
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.*

Известно, что у Есенина есть целый цикл стихов, посвященных “братьям нашим меньшим” (“Корова”, “Табун”, “Песнь о собаке”, “Лисица”, “Собаке Качалова”, “Сукин сын”, “Лебёдушка” и др.). Невозможно перечислить всех представителей “крестьянской фауны”, к кому бы ни обращал Есенин своё радостное или сострадательное слово. Для него “есть везде родные сердцу куры”; он с восторгом погружается “в море голосов воробьиных”.

Герои Шукшина также полны сострадания к “братьям нашим меньшим”. Так, старик Никитич из рассказа “Охота жить” сурово осуждает браконьеров, для забавы отстреливающих таёжных обитателей: “За такие дела надо руки выдергивать. Убил ты её, медведицу, а у ей двое маленьких. Подохнут. Бес-толковое дело — душу на зверье тешить”.

А с каким отчаянием спасают сельчане погибающих коров, единственных кормилиц в голодные послевоенные годы (“Земляки”). Или, например, детские воспоминания Ивана Попова о своей голодающей деревенской корове Райке в те же тяжкие годы, когда ему с чувством “нестерпимой боли” приходится “видеть её, понурую, всю в инее, с печальными глазами”.

Страстно тоскует о своём жеребце Буяне сельский житель Минька, живя в городе: “Минька представил Буяна, гордого вороного жеребца, и как-то тревожно, тихонько, сладко зануло сердце. Увидел он, как далеко-далеко, в степи, растрепав по ветру косматую гриву, носится в косяке полудикий красавец конь”. Как это созвучно есенинскому стихотворению “Табун”! И подобные примеры можно множить бесконечно.

Пронзительно воспета Есениным материнская любовь, её жертвенность, её всепрощение. Широко известны его стихи на эту тему: “Матушка в Купальницу по лесу ходила...”, “Письмо матери”, “Письмо от матери”, “Разбуди меня завтра рано...”, “Молитва матери” и др.

Светлый образ матери Шукшин, как и Есенин, пронес через всю жизнь, он глубоко чувствовал нерасторжимую с нею кровную связь. Теме материнской любви посвящен целый ряд его рассказов.

Материнское горе неизменно вызывает чувство сострадания у шукшинских героев. В рассказе “В воскресенье мать-старушка” жители деревни толпой собираются вокруг своего односельчанина Гани и со слезами на глазах слушают его жалостливые песни о несчастной старенькой матери, у которой сын сидит в тюрьме. Передачу для него у неё не принимают, и она узнаёт, что он: “Прошлой ночью был расстрелян / И отправлен на тот свет”.

Та же тема в рассказе “Материнское сердце”, где мать Митьки Борзенкова пытается самоотверженно, но неумело защитить своего непутевого сына:

“Материнское сердце, оно – мудрое, но там, где замыачила беда родному дитю, мать неспособна воспринимать посторонний разум”.

Герой “Калины красной” Егор Прокудин, на долгие годы оставивший мать без заботы и попечения, а потом посетив её, с ужасом осознает свой тяжкий грех, за который нет ему оправдания.

О материнской любви и одиночестве – рассказ “Письмо”. Особо стоит отметить рассказ “Сны матери”, содержание которого, по сути, автобиографично. В нем Шукшин пересказывает сновидения своей матери, порой провидческие. Описание снов переплетаются с эпизодами жизни всей семьи.

Герои Шукшина не только смиренные “чудики”. В крестьянской среде писатель видит неукротимых бунтарей, стремящихся жить по своей воле. Таков деревенский разбойник Лёся (“Лёся”), бедовый Спирька Расторгуев, прошедший фронт и тюрьму (“Сураз”), Стёпка, бежавший из заключения до срока (“Стёпка”), рецидивист Егор Прокудин (“Калина красная”).

Не будет преувеличением сказать, что роман Шукшина “Я пришёл дать вам волю” о Степане Разине написан под впечатлением от поэмы Есенина “Пугачёв”. Об этом имеется ряд свидетельств. Так, близкая знакомая Шукшина О. М. Румянцева вспоминает, какое сильное впечатление произвёл на него записанный на пластинке монолог Хлопуши из поэмы “Пугачев” в исполнении Есенина, который Шукшин прослушал, обливаясь слезами.

Обращаясь к страницам русской истории, Есенин и Шукшин избирают в качестве главных героев один и тот же тип людей – поборников за права народные. Они оба особо выделяли эти произведения в своём творчестве. О своём “Пугачёве” Есенин с гордостью говорил, что “это действительно революционная вещь”. Приведём и слова Шукшина о его любимом герое: “Разин для меня – вся жизнь”.

При создании произведения о Разине Шукшин практически проделал тот же путь, что и Есенин в работе над “Пугачёвым”: замысел – собирание народных легенд и преданий – изучение огромного архивного и научно-исследовательского материала – поездка по тем местам, где разворачивались события, связанные с восстанием Разина. Поездки Есенина “от песков Джигильды до Алатыря”, в оренбургские степи, дали ему возможность достаточно точно воспроизвести географию событий.

Многое объединяет Шукшина с Есениным в воссоздании образов народных заступников. Разин, как и Пугачёв, полон сострадательной любви к простому народу. У Есенина – “Яик, Яик, ты меня звал стоном придавленной черни”. Для Разина: “Мне кто обижен, тот свой”. И это сострадание как бы перелито из сердца создателей этих образов. Примечательно в этом отношении высказывание В. И. Вольпина, писавшего о есенинском Пугачёве: “... Сам поэт переживает трагедию, может быть, не менее большую по масштабу, чем его герой”.

Глубоко впечатляет в связи с этим воспоминание жены Шукшина – Л. Н. Федосеевой-Шукшиной. Когда Шукшин дописывал последние страницы романа “Я пришел дать вам волю”, он попросил Лидию Николаевну: “Ты сегодня не ложись, пока я не закончу казнь Стеньки... Я чего-то боюсь, как бы чего со мной не случилось...” Лидия Николаевна, уставшая от домашних дел, часам к двум ночи сама не заметила, как заснула. Пробудилась же в половине пятого от громких рыданий: с Василием Макаровичем была нервная истерика, сквозь стенания едва можно было разобрать слова: “Тако-о-го... мужика... погу-у-били-ли... сволочи”.

Для обоих писателей их любимые герои – Разин и Пугачёв – не были просто стихийными, необузданными бунтарями. Пугачёв – талантливый, дальновидный военачальник, одержавший неоднократные победы над царскими войсками. Сам Есенин, по воспоминаниям И. Н. Розанова, говорил о своем Пугачёве: “... Он был почти гениальным человеком...”. А Шукшин так характеризует Разина: “... Человек осторожный, хитрый, умный дипломат, крайне любознательный и предприимчивый”.

Шукшин, как и Есенин, не наделяет своего героя ореолом праведника. Пугачёв с горечью признается: “Долгие, долгие тяжкие года / Я учил в себе разуму зверя...”

А Шукшин о своем герое: “... Разин не был агнец с цветком в руке, рука его держала оружие и несла смерть”. Он стремится объяснить вынужденную жестокость народных вождей: “Если этот день свободы на Руси занимался в кровавое утро, то как же отнять у него жестокость?”

Разин и Пугачёв – трагические фигуры русской истории. Их борьба за поправную “чернь” куплена большой и порой несправедливой кровью. Об этой сущности народного повстанческого движения и роли их вождей убедительно сказано в статье Сергея Куняева, посвящённой анализу образа Пугачёва. В нём “трагически обнажились потаённые глубины человеческой природы – светлые, гуманистические начала и тёмные, звериные, идущие от первобытных инстинктов. Борьба за свободу, за лучшую жизнь была сопряжена с убийствами и кровью...”

Разин, как и Пугачёв, натура мятущаяся, сотканная из противоречий. Он совершает хождение в Соловки на богомолье, то “самолично ломает через колена руки монахам и хулит церковь”.

У обоих писателей в их героях мучительно сопряжены два противостоящих полюса человеческой личности: добро и зло. Пугачёва мучает то, что он выдаёт себя за императора Петра III; Разина – что он распространяет слух о том, что его повстанческое войско сопровождают патриарх Никон (хотя тот находится в это время в ссылке в Феропонтовом монастыре) и царевич Алексей Алексеевич (которого уже нет в живых).

Разин признаётся: “...Ноша проклятая – постоянная дума втихомолку, неотступная, изнуряющая...”. Скорбит Пугачёв, не вынося тяжести чужого имени:

*Тяжко, тяжко моей голове
Опушать себя чуждым именем.
<...>
Знайте, в мёртвое имя влезть —
То же, что в гроб смердящий.*

Но помимо железной воли, Есенин и Шукшин наделяют своих героев теплыми человеческими чертами. Им присуще лирическое восприятие родной природы. Пугачёв признаётся: “Мне нравится запах травы, холодом подожжённой, / И сентябрьского листопада протяжный свист”. Или: “Я умею, на сутки и версты не трогаясь, / слушать бег ветра и твари шаг, / Оттого, что в груди у меня, как в берлоге, / Ворочается зверёньшим тёплым душой”.

У Шукшина в романе “Я пришёл дать вам волю” есть целый ряд эпизодов, где Разин, как бы растворяясь в родной природе, испытывает состояние блаженства и покоя: “Солнце медленно погружалось за степью – можно даже глазом заметить, как оно уходит всё глубже и глубже. Невысокий обрыв того берега реки обозначился чёрным. Зато вся степь, от реки до солнца, далёкие курганы и близкий кустарничек, всё высветилось ласковым желтым светом, как горенка, где горит мытый, скобленный и ещё раз мытый сосновый пол. Глаз человеческий должен был отдохнуть после беспощадного дневного света, душа человеческая должна успокоиться от скверны малых дневных дел, разум должен породить мысль, что на земле на этой хорошо бы жить босиком, в просторной рубахе, – шагать по ней и шагать из конца в конец, – своя она, мы родились тут. И даже ложиться в неё не так уж страшно. Что-то такое – похожее – успел подумать Степан, заглядевшись на уходящее солнце”.

Есенин жил и творил на переломе двух эпох. В детстве он был воспитан в православном духе родителями и учителями церковной Спас-Клепиковской школы. После Октябрьской революции при наступлении атеистического времени Есенин пытается уверовать в новые идеалы, отрешиться от былых религиозных предстаний, привитых ему в детские годы. Он до конца своих дней жил в мучительных метаниях от веры к безверию и опять к вере: “Стыдно мне, что я в Бога верил, / Горько мне, что не верю теперь”.

Что касается Шукшина, то эта тема практически не затрагивалась в исследованиях его творчества. Шукшин – человек другой эпохи, коммунист, но как же сильна была в нём тяга к высшей духовности! Он заявляет, что для него понятие родина, “совестливость нашего народа, его неподдельное чувство прекрасного” сочетается с “древней простой красотой храма”, “иконой”, и “Есениным”.

Был ли Шукшин истинно верующим, трудно сказать, но близкие друзья вспоминали, что он всегда носил с собой металлическую обложку из церковной книги, где был изображен Иисус Христос. По словам доцента режиссерского факультета И. А. Жигалко, в обширном кругу чтения Шукшина была

и Библия. Сам Шукшин вспоминал, что когда он выдавал замуж сестру, ему очень хотелось, чтобы был соблюден церковный обряд, но он опасался, что его “вызовут потом на бюро и всыплот”. Он признавался, что много размышлял о том, “в чём же жизнестойкость образа Христа, если он работает столько времени”.

Взыскуют Бога как высшее духовное начало и герои Шукшина. Они порой мечутся в непонятной тоске, мучительно осозная душевную пустоту. Герой рассказа “Верую” Максим Яриков, не выдержав душевной маеты, бросается за утешением к деревенскому попу. Тот весьма своеобразно объясняет ему, что есть Бог: “Что такое Христос? Это воплощенное добро, призванное уничтожить зло на земле. Две тыщи лет он присутствует среди людей как идея – борется со злом. Две тыщи лет именем Христа уничтожается на земле зло, но конца этому не предвидится”. И заключает: “...Бог есть. Имя ему – Жизнь. В этого Бога я верю. Это – суровый, могучий Бог. Он предлагает добро и зло, вместе – это, собственно, и есть рай”.

Примечательно, что в этом контексте священник вспоминает и Есенина: “Вот жалеют: Есенин мало прожил. Ровно – с песню. Будь она, эта песня, длинней, она не была бы такой щемящей”.

Мается от душевной пустоты и другой герой Шукшина: Тимофей Худяков из рассказа “Билетик на другой сеанс”, и причину своей тоски он объясняет так: “Не верим больше – вот и тоска. В боженьку перестали верить, вот она и навалилась, матушка. Церкви позакрывали, матерщинничаем, блудим...”

Вопрос веры – довольная частая тема споров среди односельчан. В рассказе “Гена Пройдисвет” происходит ожесточенная дискуссия, перерастающая в драку между Генкой и его дядей Гришей, вдруг страстно уверовавшим в Бога.

Старинные сельские храмы пробуждают в сердцах героев Шукшина жалость и страдание при виде их медленного разрушения. Так, Сёмка Рысь из рассказа “Мастер”, любясь красотой старинной “церкви белой, изящной, легкой”, загорается желанием восстановить её в былом великолепии и безуспешно пытается найти поддержку у местного начальства.

А как негодуют герои Шукшина, когда сносится “на кирпич” местная церковь, в которой когда-то “отпевали усопших дедов и прадедов”, а “люди постарше все крещены в ней” (“Крепкий мужик”).

Известно, что Есенин после свершения Октябрьской революции искренне пытался понять и уверовать в новые идеалы. Но постепенно осмысляя происходящее, он не всё начинает принимать в современной действительности и испытывает определенное разочарование. Так, в письме к Е. И. Лившиц от 11 августа 1920 года он размышляет: “Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжёлую эпоху умерщвления личности... Ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал...”. Есенин никогда не хотел быть “казённым”, “официозным” поэтом. А. К. Воронскому в одной из бесед он сказал: “Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду”.

Шукшин тоже никогда не стремился “петь под дудочку”. Он заявляет: “Как художник я не могу обманывать свой народ – показывать жизнь только счастливой... Правда бывает и горькой”. Он восставал против образов “сусальных” казённо-положительных героев, насаждавшихся в советском кино и литературе. “В духовной жизни ущерб народу такими вот лазутчиками из мира лжи, угодничества наносится страшный”.

В то же время В. М. Шукшин не был “демонстративным диссидентом”, ориентирующимся на западную демократию. Ему были дороги нравственные устои, выработанные за столетия русским народом, и он мечтал, чтобы они полностью восторжествовали в современной ему жизни. Доказательство тому – всё его творчество.